

УДК 81'37;81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/19

Славянский космогонический миф в картине мира и идиостиле В.И. Вернадского

А.В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет

Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Авторское резюме

Рассматриваются фрагменты мифологической и научной картины мира, существующие в рамках космогонического дискурса древних славян и творческого дискурса создателя учения о ноосфере В.И. Вернадского. В качестве объектов анализа выдвигаются концепты-мифологемы, составляющие «ядро» космогонических представлений в обоих случаях, и их лексемы-номинаты, фигурирующие в текстах славянских мифов, а также научно-академических, автобиографических и эпистолярных текстах Вернадского. К анализу привлекаются языковые и концептуальные, актуализируемые в обозначенных дискурсах, значения лексических единиц «миф», «космогония», «человек», «Вселенная», «жизнь» и их ассоциативно-деривационных коррелятов как номинатов аутентичных и авторски переосмысленных представлений о «сотворении мира», «эволюции всего живого». Результаты анализа показывают, что в дискурсе ученого классический славянский миф, сохраняя отдельные мифологемы в составе космогонического нарратива (космический масштаб, сила разума как активное начало, взаимодействие природы и человека, устремленность в будущее), получает содержательно-методологическое переосмысление. Аутентичный миф интерпретируется ученым-философом с учетом как внешних обстоятельств (особая историческая миссия естественных наук в объяснении эволюционных и исторических закономерностей), так и особенностей собственно авторского понимания устройства мироздания и его развития (интуитивно-рационалистический способ познания, вера в торжество человеческого разума, научного труда). Осуществленный анализ вносит вклад в изучение общеславянской картины мира и индивидуально-авторской концептосферы В.И. Вернадского на уровне фрагмента, связанного с осмыслением космогонических представлений, а также механизмов дискурсивной обусловленности концептообразования, диахронного взаимодействия дискурсов разных типов.

Ключевые слова: миф, космогония, славянская мифология, В.И. Вернадский, мифологическая картина мира, научная картина мира, концепт-мифологема, индивидуально-авторский дискурс, идиостиль.

Slavic cosmogonic myth in Vladimir Vernadsky's picture of the world and idiostyle

A.V. Kurjanovich

Tomsk State Pedagogical University
60 Kievskaya street, Tomsk, 634061, Russia
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract

The article considers the mythological and scientific picture of the world in the old Slavic cosmogonic discourse and in the creative discourse of Vladimir Vernadsky, the founder of the doctrine of the noosphere. The author analyses concepts-mythologemes, which constitute the “core” of cosmogonic representations in both cases, and their lexemes-nominates in Slavic myths and Vernadsky's scientific, autobiographical, and epistolary texts. The analysis involves the linguistic and conceptual meanings of the lexical units “myth”, “cosmogony”, “human”, “universe”, “life” and their associative-derivative correlates as nominees of authentic and author's reinterpreted ideas about “creation of the world”, “evolution of all living things.” The analysis has shown that though the classical Slavic myth in the scientific discourse retains separate mythologemes as part of the cosmogonic narrative (cosmic scale, the power of the mind as an active principle, the interaction of nature and human, aspiration to the future), it goes through a substantial and methodological rethinking. An authentic myth is interpreted by Vernadsky with reference to both external circumstances (a special historical mission of natural sciences in explaining evolutionary and historical patterns), and the specificity of Vernadsky's own understanding of the universe structure and development (an intuitive-rationalistic way of knowing, faith in the triumph of human reason, scientific labour). The analysis contributes to the study of the general Slavic picture of the world and Vernadsky's personal concept sphere related to the cosmogonic ideas, as well as to undersyanding the mechanisms of discursive conditioning of concept formation and diachronic interaction of different discourses.

Keywords: myth, cosmogony, Slavic mythology, Vladimir Vernadsky, mythological picture of the world, scientific picture of the world, concept-mythologeme, individual-author's discourse, idiostyle.

Феноменологию мифа сегодня можно считать ставшей классикой областью гуманитарных исследований, касающихся осмысления онтологии мироздания, основ фило- и культурогенеза. Свойства мифа – полифункциональность, этиологизм (причинность), символизм, универсализм, синкретизм – позволяют рассматривать его как объект междисциплинарных исследований. «Выдержав натиск истории, миф сумел законсервировать в себе неизменные, константные формы культуры и социума» [28: 177]. История толкования мифа в мировой науке представлена точками зрения, с известной долей обобщения интерпретирующими ключевое понятие в качестве:

1) мировоззренческой и эстетической сущности, трудно поддающейся определению: миф не означает Нечто, он сам есть это Нечто, содержательная форма или оформленный смысл (Я. Гримм, И. Гердер, А. Косарев, Ф. Крейцер, О. Мюллер, В. Найдыш, Ф. Шеллинг);

2) когнитивно-поведенческой модели (Э. Кассирер, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, М. Элиаде, К. Юнг) и ее ритуально-обрядовых (В. Бэском, Д.К. Зеленин, К. Клакхот, В.Я. Пропп, Б.А. Рыбаков, Д. Фонтенроуз, С. Хьюлен) и национально-культурно-исторических (Д.Н. Анучин, А.Н. Веселовский, Р. Вейман, Д.М. Щепкин) вариантных проявлений;

3) типа творческого мышления, выраженного в образах и вписывающего человека в окружающий контекст (А.Н. Афанасьев, Д. Вико, Е.М. Мелетинский, А.А. Потебня), естественного свойства человеческой природы, реализуемого посредством занимающих промежуточное между чувственными образами и понятиями положение «мыслеобразов» (А.Н. Чанышев);

4) способа объяснения мира (А.Н. Афанасьев, А.Ф. Лосев, Н.Ф. Сумцов), в том числе с помощью знаков (Р. Барт), включая язык (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня);

5) инструментария в построении картины мира или ее фрагмента (Ф.И. Буслаев, А.Л. Топорков).

Принимая все обозначенные выше варианты осмысления ключевого термина, в качестве базовой для настоящего исследования, выполненного в русле проблематики лингвистической концептологии и дискурсологии, выделяем трактовку мифа как средства построения и интерпретации картины мира. Считаем, что способность к реализации миромоделирующей функции позволяет рассматривать варианты экзистенции мифологического нарратива в дискурсах разных типов, изучать формы и средства проявления его категоризирующих и дифференциальных свойств в различных картинах мира – от наивной до научной, причем как на уровне коллективной, так и индивидуально-авторской концептуализации в синхронии и диахронии.

Цель данной статьи – рассмотрение способов и средств экспликации в научном дискурсе философа и естествоведка В.И. Вернадского элементов славянской мифологической космогонии, позволившее ученому выстроить стройную научную теорию об эволюции жизни во Вселенной.

Методологическую базу исследования составляют дискурсивный и лингвоконцептологический анализ, элементы сравнительно-сопоставительного и кросскультурного анализа.

В качестве *эмпирического материала* выступают тексты славянских мифов [2; 8; 9; 20], энциклопедическая и справочная литература [21], лингвистические словари [14], статьи, монографии, дневники, письма В.И. Вернадского [3–7; 15–18], научные труды отечественных и зарубежных авторов по проблеме исследования [1; 10–13; 19; 23–29].

Первоосновой славянских мифов считается совокупность представлений, которые нашли отражение в целом ряде текстов, формально и содержательно эксплицирующих ценности языческой, христианской, народной (городской), карнавальской (ярмарочной, лубочной) культур [24: 9]. Наибольшее воздействие на формирование последующего мифотворчества, в рамках как коллективных, так и индивидуально-авторских дискурсов оказали языческие славянские мифы. Знание, породившее языческие мифы, отличается априорностью, символизмом в его конкретно-детальном проявлении, базируется на феномене коллективного бессознательного, имеет образную, наглядно-пластичную, форму представления с опорой на чувственное ее восприятие. «Посредством слова, верования и поэтического вымысла люди мифологического периода стремились укоренить себя в мире, утвердить свое место среди стихий и явлений» [25]. Языческие мифы передают рефлексию человека того времени в отношении мироздания, составляющими которой выступают такие верования и установки, как анимизм, тотемизм, антропоморфность, трансцендентность, метаморфичность, ритуальность. Именно в дохристианский период были заложены ключевые мифологические смыслы, содержащиеся в повествованиях, которые «всем хорошо известны, но... далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества» [29: 13].

В исследовании мифа в целях наиболее глубокого проникновения в его содержательные нюансы, отражающие специфику деятельности мифологического сознания, видится целесообразным привлечение и сопряжение терминосистем научных направлений, в ряде случаев развивающихся независимо друг от друга. В частности, речь идет о теории мифа, имеющей длительную традицию развития и изучения, и современной концептологии.

В рамках философско-культурологического подхода, разработка которого положена в работах К. Кереньи, К. Леви-Стросса, К. Юнга и продолжена в трудах современных ученых (В.П. Горана, Л.А. Ключиной, А.Н. Круталевич, В.Г. Туркиной, В.К. Хазова, С.С. Хоружего и др.), под мифом понимается априорная (первоначальная) форма существования смысла в культуре. Формат сознания оперирует понятием *архетипа (универсалии)* – первообразом коллективного восприятия, в языке же миф объективируется посредством *мифологем* как вариантов интерпретации архетипов в текстах. Для концептологии базовой единицей описания выступает *концепт* – квант знания, результат систематизации, категоризации и обобщения информации. Задачей лингвистической концептологии является концептуальная интерпретация языковых значений (А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, З.И. Резанова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.). Если мифологему можно назвать маркером сферы онтологического сознания-созерцания, то концепт принадлежит сфере активного сознания-деятельности.

Для настоящего исследования, междисциплинарного по своим методологическим установкам, релевантным оказывается сопряжение терминосистем обозначенных выше подходов, в связи с чем в качестве базового выдвигается понятие *концепта-мифологемы* – концептуально обобщенной единицы знания, структурирующей фрагмент картины мира. Отправной точкой в ее формировании является первоэлемент, пра-знание – результат деятельности мифологической рефлексии. Концепт-мифологема демонстрирует динамику перехода: от интуитивной рецепции события-смысла – через его отражение в воспринимающем сознании – к кристаллизации в виде концептуально обработанной мыслительной структуры в картине мира. Ю.С. Степанов определяет концепты-мифологемы как разновидность лингвокультурных концептов, «культурно маркированные мыслеобразы, находящиеся на стыке обыденного и мифологического сознания» [22: 43]. Обозначенный термин сегодня начинает все активнее использоваться учеными (О.И. Быкова, Н.Н. Бочегова, М.П. Калугина, И.Б. Руберт, Ю.В. Уткина, Н.В. Шелепова и др.).

Процедура лингвоконцептологического анализа начинается, как правило, с обращения к данным толковых словарей, содержащих срез национальной языковой картины мира. Так, содержание современных представлений о мифе отражено, в том числе, в узуальном толковании лексемы-номината: «Миф – 1. Древнее народное сказание о легендарных героях, богах, явлениях природы. 2. Перен. Недостоверный рассказ, выдумка. 3. То же, что вымысел (в 1 знач.)» [14: 359]. В 1-м лексико-семантическом варианте (прямое значение)

закреплено представление о существовавшем в истории каждой нации мифотворчестве. 2-е значение лексемы *миф* не рассматривается нами, поскольку выходит за рамки проблематики настоящей статьи. Идея переосмысления мифов путем экстраполяции определенных мифологем в диахронии в конкретные дискурсы закреплена в 3-м из приведенных значений. Любой переосмысленный миф социологичен, культурно обусловлен, обладает цельностью и системностью. Миромоделирование в нем осуществляется на основании понимания определяющей роли человека, актуализации типа его мышления. Переосмысление мифа в *научном дискурсе* тяготеет к рациональному восприятию мифологического нарратива, обобщению посредством создания отвлеченных, абстрактных образов. Подчеркнем, что нами рассматривается экстраполяция отдельных мифологем или их некоторой совокупности в академический научный дискурс: творческое наследие В.И. Вернадского по характеристике своих дискурсивных свойств представляет именно эту дискурсивную разновидность.

Почему идеи ученого имеют формат мифа? Об этом сам Вернадский написал в одном из писем к жене, Н.Е. Вернадской, так: «Ужасно странное чувство. Я образно как будто его (дыхание земли. – А.К.) чувствую и вижу: до сих пор ни одного факта, это важно, и никто этого не думал, создание **моей научной фантазии**, которое странно глубоко чувствую и почти вижу в каких-то своеобразных внутренних образах: внутренний глаз, о котором где-то читал» (здесь и далее в цитатах выделено мной. – А.К.) [7: 235]. Иначе говоря, в основу определения знания в качестве мифа ученый кладет фактор «способа познания», в его случае во многом образно-интуитивного, иррационально-рационального, «мысле-чувствования»: «...тут я выхожу за пределы точного знания» [15: 32], «Знаешь, я это **физически** чувствую. Мне кажется, я сейчас в своей работе иду отчасти бессознательно: странное ощущение, точно ведет какая-то неведомая мне сила!» [7: 88–89], «мысль ясно чувствую, но не могу выразить» [7: 81]. В одном из писем к Б.Л. Личкову, коллеге-ученому, сам Вернадский характеризует свои идеи как «космогонические гипотезы» [15: 91]: «Космогония... есть математически охваченная научная гипотеза», «Я думаю, что сейчас в геологии мы подошли (в макроскопическом разрезе Мира) к новым охватам космогонических представлений» [15: 94]. В письме к жене встречаются те же мысли: «Мне кажется бессознательно идет у меня какая-то переработка вопросов научной космогонии. Опять душа рвется к бесконечному» [7: 30].

Выделим некоторые общие и различные черты в интерпретации мифа как аутентичного знания и мифа как знания, экстраполированного в научный дискурс.

И в мифологической и в научной картине мира человек является фигурантом мифологического сюжета. Однако в «мифологическом сознании» (А.Ф. Лосев) человек в известной мере пассивен, в научной картине мира человек – актер, действующий субъект, чьи когнитивные усилия нацелены на осмысление классических мифологем, трансформацию их содержания или развитие новых концептуальных ответвлений от магистрального мифологического сюжета. Критериями отбора знания для построения научного мифа выступают факторы, оформляющие триединство: человек – наука – разум. И аутентичный, и дискурсивно обработанный мифологический нарратив имеет одинаковую структуру: строится по полювому принципу (ядро/периферия). Исключительную значимость в построении мифа играет язык – средство постижения, выражения и описания содержания. Мифологический сюжет динамичен согласно логике своего развития, разворачивается в условном хронотопе. Миф всегда культурно, исторически и национально обусловлен. Космогоническая линия является одной из ключевых и в аутентичном, и в дискурсивно обработанном мифе. При этом интуитивное познание как основа создания аутентичного мифа противопоставлено технологиям эмпирического обобщения при построении научных концепций. В индивидуально-авторской картине мира наблюдается тенденция к наращиванию концептуального ресурса прецедентных имен, фигурирующих в классическом мифе, за счет развития новых ассоциативно-смысловых линий: аутентичные мифологемы приобретают развернутый вид, усложняясь и формально и семантически. Наконец, создание мифа в любом случае – это творчество, что в полной мере соответствует пониманию научной деятельности Вернадским: «Я считаю себя вправе совершенно не считаться с общественной стороной жизни в тех случаях, когда этого требуют интересы более близкого и доступного мне творчества, каким для меня является научное искание» (из письма сыну, Г.В. Вернадскому) [16].

Мифы о сотворении мира традиционно определяются в качестве «универсального культурного акта творения» [10: 6] в рамках многочисленных интерпретационных нарративов и составляют значительную часть каждой национальной лингвокультуры. Космогонические мифы, являющие формат конвергенции религиозного и эстетического начал, репрезентируют фрагмент национальной картины мира, представляющий коллективное видение акта творения, роли творца в создании Вселенной, человека, в установлении причинно-следственных связей [26: 6]. Космизм – философия, показательная для национальных, включая все славянские, картин мира [27]. Трансформация духовного опыта посредством возврата к мифу и его переосмысле-

ние – такова суть национальной космогонии в XX–XXI вв. (см. об этом в работах С.Р. Аблеева, И.В. Кондакова, О.Д. Куракиной, В.Д. Курганской, А.А. Ханзен-Лёве и др.).

В.И. Вернадский – яркий представитель идей «ноосферного космизма» (Е.И. Салов). Будучи стихийным материалистом, наружную оболочку земной коры, флору, фауну и человека Вернадский рассматривал в качестве компонентов единой биосферы, отождествляемой им с понятием жизни вообще. Единство биосферы ученый видел в идентичности химических процессов, протекающих во всех ее составляющих. Рассматривая жизнь в аспекте существования «живого вещества» как биогеохимический процесс, деятельность человека академик трактовал в качестве мощного фактора, способствующего эволюции «живого вещества» и перехода его из биосферы на качественно новый этап развития материи – ноосферу [11]. Миф, творимый великим натуралистом, перспективен и футуристичен, поскольку предвосхищает освоение человеком космоса: «В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет» [6: 480–481].

Содержание *мифов славянских народов*, представляющих отдельное направление развития древней индоевропейской культуры, базируется на философии язычества. Речь идет об историческом периоде с конца I тысячелетия до н. э., времени этнического единства древних славян, до введения христианства в IV–X вв. Славянская мифологическая картина мира интегрировала представления, складывающиеся на основе мифотворчества балтийских (северная часть Европы между Эльбой и Одером), восточных (территории вокруг Киева и Новгорода), южных (Балканский полуостров) и западных (Польша, Чехия, Моравия) славян.

Наличие локальных вариантов мифотворчества в рамках отдельных славянских культур не отрицает существование общеславянского инварианта, в том числе модели общеславянского космогонического мифа. Суть общеславянской космогонии – в превращении Хаоса в Космос и роли в этом процессе природных стихий, появлении Земли из Мирового океана, отделении Неба от Земли и зарождении небесных тел, создании флоры, фауны и Человека. Значимыми общеславянскими образами являются образы Мирового древа, Огня, Солнца, Матери-Земли. Всеми славянами утверждался культ предков, боги отождествлялись со стихиями и представляли их. Мифологическое сознание делило мир на дихотомии (жизнь – смерть, добро – зло, плодородие – бесплодие, зима – лето), жизнь представлялась как вечная борьба светлых и темных сил.

Переключки со славянскими мифологемами и мифологическими сюжетами, присутствующие в научном дискурсе В.И. Вернадского, очевидны. Назовем лишь некоторые. В центре мифологического нарратива находится человек, выделивший себя из мира природы, человек как мыслящая материя (у Вернадского человеческий разум составляет «интеллектосферу»), испытывающий страх перед мощью стихии, однако пытающийся познавать природу. Последнее положение оказывается наиболее развитым в мировоззрении Вернадского, утверждавшего, что сила эволюции – в поступательном движении «живого вещества», разума в сочетании с трудом, что позволит выйти за пределы планеты в космическое пространство (ноосферу) [3]. Настрой этого заявления ученого не противоречит ключевой пафосной тональности славянского мифа: славянский миф абсолютно не эсхатологичен, устремлен к жизни (в отличие, например, от египетской или римской мифологии). Ср. с высказыванием Вернадского из дневниковых записей 1938 г.: «Я живу будущим и настоящим» [9]. Корни славянских мифов лежат в земледельческой культуре древних славян, вследствие чего огромная значимость придается мощи земли, ее живительной силе. В концепции Вернадского встречаем аналогичную мифологему о «всеоживляемости» земной поверхности, аккумулирующей биогеохимическую энергию как источник эволюционного процесса.

В качестве причин, обусловивших возможность появления индивидуально-авторского варианта осмысления мифа в рамках научного дискурса В.И. Вернадского, учеными называется «взаимопроникновение естественно-научной и философской мысли, которое характерно для интеллектуальной жизни России» [13: 115]. Сотворенную космогонию сам Вернадский оценивает как результат работы «философской мысли натуралиста» [15: 94–95]. В числе других факторов можно назвать такие дискурсивные факторы, как принадлежность автора к определенному типу культуры, в том числе элитарному типу речевой культуры, высокий уровень образования, наличие навыков критического мышления и работы с информацией. Подробнее о личности Вернадского как ученого см.: [11; 12].

В качестве подтверждения сказанного приведем примеры из творческого (научного, эпистолярного, автобиографического) дискурса В.И. Вернадского.

В индивидуально-авторской картине мира ученого ключевыми концептами-мифологемами выступают взаимосвязанные смыслы ВСЕЛЕННАЯ – ЖИЗНЬ – ЧЕЛОВЕК – РАЗУМ – МЫСЛЬ – НАУКА.

ЖИЗНЬ как основная смыслообразующая мифологема присутствует в аутентичном славянском мифе-космогонии: «Мифы отразили наблюдения человека за природой и животными, а поскольку лич-

ность еще не выделяла себя из окружающего мира, то космос представлялся ей живым организмом, очеловеченным и бессмертным... мифы в основе своего сюжета содержат метаморфозу (превращение), которая иллюстрирует постоянное изменение вечно живой материи» [19: 6]. Представление о мифологеме ЖИЗНЕННАЯ СИЛА четко прослеживается в славянском мифе: в первоначальных водах Хаоса произошли некие процессы, обусловившие выделение Жизненной силы как источника духовной и материальной энергии, в результате действия которой устанавливается космический порядок – Гармония, способствующий появлению живых организмов. Символом гармонии как животворящего начала у славян являются богини Лада и Жива (подробнее см.: [10: 7–10]).

В картине мира Вернадского концепт ЖИЗНЬ также является смыслообразующим, сопряженным с пониманием вечного начала, не замкнутого земным хронотопом. За основу своей концепции Вернадский, в том числе, взял идею Ф. Реди о «живом от живого»: «Жизнь вечна постольку, поскольку вечен космос, и передавалась всегда биогенезом» [3: 340], «для нас становится ясным, что жизнь есть явление космическое, а не специально земное» [3: 343].

Лексема *жизнь* (от праслав. *žiti, рус. жить, укр. жити, живу́, белор. жыць, болг. живѐя «живу», сербохорв. жѝвјети, жѝвѝм «живу», словен. živěti, živějem, чеш. žít, žiji, словац. žiť, žijem, польск. żyć, żyję, в-луж. žić, žiju) и ее производные входят в ядро тезауруса и активный лексикон Вернадского, вступая в разнообразные синтагматические и парадигматические отношения с другими лексическими единицами в контексте. Например: «Летом углубился в новую сущность и явление симметрий в связи с явлениями **жизни**» [15: 14], «**жизнь** как явление вне поля тяготения» [15: 59], «Не рассеяна ли **жизнь** везде?» [15: 90], «глава о понятии геохимической **энергии жизни**» [15: 91].

Жизнь, в представлении Вернадского, – непрерывный, постоянно обновляющийся процесс выработки живой энергии. Эту идею передает контекстуальное сближение лексем *жизнь* и *живой*: «На каждую вещь приходится тратить массу лишнего труда – нет элементарных условий **жизни**, но в общем, самое главное – мысль **жива**» [15: 20]. Жизнь ученый характеризует с разных проявлений. Одноименная лексема-номинат сопровождается такими атрибутивами, как *длительная, микробная, научная, обычная, зыбкая, полная, глубокая, сильная*. Интересны случаи метафорического словоупотребления: *вулканическая жизнь* [15: 30], *всюдность жизни* [17: 60].

В контексте творчества Вернадского «антагонистом» концепту ЖИЗНЬ выступает концепт СМЕРТЬ, вербализованный посредством слов с соответствующей семантикой: «Для меня неприемлемо всякое

убийство – и **смертная казнь** в том числе: твердо и непреклонно» [5]. Данная культурно осмысленная дихотомия находит в дискурсе Вернадского своеобразное выражение в виде противопоставления нового – старому, живого – мертвому – косному, «энтропии» – «эк-тропии» [15: 179]. В текстах это репрезентируется посредством использования контекстуальных антонимов (в примерах выделены жирным шрифтом): «отличие **живого** от **мертвого**» [15: 95], «**жизнь** отлична от **косной** материи и является огромным планетным явлением» [15: 179], «для биосферы принцип **энтропии** неприложим – наоборот, здесь концентрируется **свободная** энергия, связанная с необратимостью некоторых ее процессов (**живое вещество** – радиоактивность)» [15: 184].

Краеугольный концепт-мифологема в картине мира натуралиста – **ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО**: «Я весь ушел в **живое вещество**, и целый мир открылся и открывается передо мною – сейчас хочу сделать его видным другим» [18], «Так или иначе, учение о **живом веществе** является особой формой понимания и явлений жизни, и окружающей нас природы» [15: 30], «Каждый живой организм в биосфере – природный объект есть живое природное тело. **Живое вещество** биосферы есть совокупность живых организмов, в ней живущих» [4]. В узальной картине мира понятия «жизнь» и «живое вещество» могут рассматриваться как синонимичные. Однако в рамках концепции В.И. Вернадского термин «живое вещество» оказывается «освобожденным» от присутствия в своем значении фольклорных, философских, религиозных, художественных и прочих компонентов, неизменно сопутствующих использованию понятия «жизнь».

В анализируемом дискурсе субконцептом по отношению к концепту **ЖИЗНЬ** выступает индивидуально-авторский смысл **ДЫХАНИЕ**, выражающий идею одушевленности живого вещества: «Свожу все к явлениям газового обмена (**дыхания организмов**) в биосфере» [17: 127], «гелиевое **дыхание планеты**» [15: 101].

В качестве смежных концепту-мифологеме **ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО** в дискурсе Вернадского фигурируют смыслы, репрезентирующие представление автора о Времени, Воде, Земле. У Вернадского данные концепты-мифологемы имеют сугубо научное содержание и понимаются как маркеры научного поиска, однако (и в этом состоит схожесть с древними мифологическими установками) трактуются символично в качестве первозданных природных начал бытия. Подтверждением сказанному могут служить контексты, репрезентирующие интерпретацию ученым категории **ВРЕМЕНИ** как составляющей научного хронотопа, в условиях которого существует жизнь: «Третий и четвертый касаются организации вопроса о **геологическом времени**» [16], «Как

далеко в глубь времени – выражая количественно – может человек идти научно?» [5: 446], «и другую главу: о постоянстве массы жизни **в геологическом времени**. Тут интересный исторический очерк» [15: 91]. Сравним: в мифологической картине мира время также выступает одним из центральных экзистенциальных компонентов, обладающих магической силой (см., например: [23]). И если у Вернадского время понимается в первую очередь как природное, то в классическом мифе, наряду с природным (например, *время суток, время года*), активно представлено и жизненное (*время жизни – время смерти, до замужества и после*), и житейное, или бытовое (*время сбора урожая, выгула скота*), время. И подобно тому, как в науке время может выступать неким организующим принципом либо технологизирующим процесс инструментарием, в мифе время служит основой ритуала, обряда, т. е. регламентации уклада жизни древних славян. Наряду с солнечным славянами почитался также лунный календарь. В картине мира Вернадского упоминания о Луне нами не отмечены.

С концептом-мифологемой ЖИЗНЬ в обеих рассматриваемых картинах мира соотносится концепт-мифологема ВСЕЛЕННАЯ. Для естественника Вернадского Вселенная – это пространство жизни «в планетном масштабе» [15: 121], «явление космического размаха» [15: 179], другая составляющая хронотопа в научной картине мира. В славянской мифологии один из наиболее частотных образов – Вселенная как яйцо. В семантике образа акцентируется его жизнеспособная сила. Мотив победы над смертью – таково философское наполнение концепта ВСЕЛЕННАЯ и в мифологической и в научной картине мира Вернадского.

Еще одна общая для обеих рассматриваемых картин мира характеристика – понимание ЧЕЛОВЕКА как частицы этой Вселенной. Однако в мифе человек занимает место субъекта, но пассивного, страдающего, испытывающего страх перед грозной природой. У Вернадского подобный взгляд формируется в отношении тех представителей человечества, которые не желают или не умеют думать и трудиться, которым чужда созидательная работа мысли, связанных с бытом: «... та среда, где живет и **ВОЗИТСЯ** человечество» [15: 179] (возится здесь – в значении «занимается чем-то незначительным»). Индивидуально-авторское наполнение смысла ЧЕЛОВЕК в картине мира Вернадского связывается с утверждением значимости человека как живой силы, в состоянии (посредством мысли и труда) прорваться в верхний экзистенциальный слой – ноосферу: «Будущее неизвестно, но оно строится стремлением человека в значительной мере» [16], «первые человек охватил своей жизнью, своей культурой всю верхнюю оболочку планеты – в общем всю биосферу, всю связанную с жизнью

область планеты. ...Человек, как он наблюдается в природе, как и все живые организмы, как всякое живое вещество, есть определенная функция биосферы, в определенном ее пространстве-времени» [4].

Субъектность человека, по Вернадскому, определяется его функционалом, заключающемся в способности демонстрировать работу РАЗУМА, МЫСЛИ в процессе занятия научной деятельностью. НАУКА (данный смысл по определению отсутствует в мифологической картине мира) для Вернадского – это работа, тяжелая, но интересная. Атрибутив *научный(-ая/-ое/-ые)* имеет в трудах Вернадского широкий синтагматический ряд, в составе которого отметим следующие наиболее показательные лексемы: *работа, движение, мысль, идея, знания, статья, общение, трактовка, область, понимание, теория, представление, искание, след, рост, интерес*. Наука поглощает ученого целиком, что сродни действию природной стихии: «работаю научно хорошо, но стараюсь себя сдерживать» [15: 87]. Аналогичной природной силой обладает РАЗУМ (УМ) человека, который «становится огромной геологической, планетарной силой» (цит. по: [1: 250]).

В мифе речь идет о ВЫСШЕМ РАЗУМЕ Демиурга, силой мысли создавшего мир (в христиански обработанном мифе). МЫСЛЬ как способность к мышлению – универсальный феномен культуры: «Мысль моя неуклонно и глубоко работает» [16]. У Вернадского мысль в первую очередь – инструмент, активирующий и наполняющий содержанием гносеологическую модель «научного свободного проникновения во всем объеме в понимание явления» [16]. Один из излюбленных глаголов в текстах Вернадского – *думать*, причем лишь отчасти – в значении «конкретного действия», а по большей части – в значении «состояния»: «Довольно много читаю и много **думаю**» [15: 82], «и то, что выявляется, заставляет **думать**» [15: 94], «**летучие** мысли и впечатления человека, привыкшего годами **вдумываться** в окружающее» [7: 38]. Мысль как состояние дороже слов в силу своей непрерывности: «Старость чувствуется – только бы она не понизила умственной силы. **Мысль непрерывная и идущая вперед...** – есть самое дорогое» [5]. Основными определениями к лексеме *мысль* в текстах Вернадского являются слова *творческая, атмосфера, интенсивная*. Эти словоупотребления свидетельствуют об оценке мыслительной деятельности соответственно по шкалам креативности, охвата действия, интенсивности.

Таким образом, миф в творческом дискурсе В.И. Вернадского является одновременно формой и средством миромоделирования. Целый ряд образов, концептов и нарративов, фигурирующих в мифопоэтическом дискурсе и мифологической картине мира древних славян, находит в индивидуально-авторской картине мира В.И. Вер-

надского своеобразное воплощение и интерпретацию. В своей научной интерпретации классического славянского мифа о сотворении мира и развитии всего сущего ученый-естественник отталкивается от универсальных представлений о человеке как участнике космогонического сюжета, Вселенной как локальной характеристике акта творения, устремленности последнего в будущее, оперируя мифологическими смыслами *Земля, Космос, Небо, Вода* и пр. Классический миф содержательно переосмысливается и методологически форматируется Вернадским, развивая ряд отличительных свойств: использование способа «мыслечувствования» как эмпирического метода научно-интуитивного познания, признание активной творческой роли человеческого разума и трудовой созидательной деятельности, а также значимости естественных наук в познании мира и объяснении исторических закономерностей (идея «живого вещества» как субстанции ноосферы). Особенности интерпретации космогонического мифа (учения о ноосфере) в картине мира В.И. Вернадского имеют дискурсивную обусловленность в виде совокупности общезначимых (национальных историко-культурных) и индивидуально-авторских (включая идиолексические и идиостилевые) показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бояринцев В.И.* Русские и нерусские ученые: мифы и реальность. М.: Русская правда, 2005. 319 с.
2. *Буйнова Т.Ю.* Дети Сварога. Древнейшие мифы восточных славян. М.: Проект-Ф; Аквилегия-М, 2008. 256 с.
3. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. 702 с.
4. *Вернадский В.И.* а, 1991. 270 с.
5. *Вернадский В.И.* Дневник 1938 г. // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М.: РГГУ, 1997. С. 446–493.
6. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Айрис Пресс; Рольф, 2002. 573 с.
7. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской. 1909–1940. М.: Наука, 2007. 299 с.
8. *Войтович В.М.* Українська міфологія. Київ: Либідь, 2002. 662 с.
9. *Гура А.В.* Мифы славян. М.: Слово, 2000. 48 с.
10. *Кулиш О.А.* Космогонический комплекс Хаоса – Порядка – Гармонии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18). С. 6–11.
11. *Курьянович А.В.* Жанрово-стилистические особенности русского

эпистолярная первая треть XX века: узус и идиостиль (на материале писем М.В. Нестерова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Вернадского, М.И. Цветаевой). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2013. 308 с.

12. *Курьянович А.В.* Языковая личность ученого-носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В.И. Вернадского) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 188–197.

13. *Моисеев Н.Н.* Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 32–45.

14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

15. Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918–1939. М.: Наука, 1979. 270 с.

16. Письма академика В.И. Вернадского сыну (1922–1936). URL: <http://argan.ru> (дата обращения: 04.04.2022).

17. Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману (1907–1944). М.: Наука, 1985. 272 с.

18. Письма В.И. Вернадского Н.П. Василенко. 1918–1934. URL: <http://www.nbuv.gov.ua> (дата обращения: 04.04.2022).

19. *Садовская И.Г.* Славянская мифология // Мифология. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: МарТ, 2006. С. 307–332.

20. Сказки и притчи народов мира. Славянские мифы. URL: <https://www.thetales.ru/slavjanskije-mify> (дата обращения: 01.04.2022).

21. Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.

22. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

23. *Толстая С.М.* Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М.: Индрик, 1997. С. 62–79.

24. *Толстой Н.И.* Славянские верования // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 8–16.

25. *Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997. 456 с.

26. *Топоров В.Н.* Космогонические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 6–9.

27. *Трофимова Е.А.* Русский космизм в контексте модерна: особенность, мотивы, дискурсы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2 (220). С. 101–106.

28. *Хакуашева М.А.* Современный литературный миф: генезис и тенденции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 3 (182). С. 176–182.

29. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Гос. библиотека Украины

для юношества, 1996. 384 с.

REFERENCES

1. Boyarintsev, V.I. (2005) *Russkie i nerusskie uchenye: mify i real'nost'* [Russian and non-Russian scientists: myths and reality]. Moscow: Russkaya Pravda.
2. Buynova, T.Yu. (2008) *Deti Svaroga. Drevneyshie mify vostochnykh slavyan* [Children of Svarog. Ancient myths of the Eastern Slavs]. Moscow: Proekt-F: Akvilegiya-M.
3. Vernadsky, V.I. (1989) *Nachalo i vechnost' zhizni* [The Beginning and Eternity of Life]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
4. Vernadsky, V.I. (1991) *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka.
5. Vernadsky, V.I. (1997) Dnevnik 1938 g. [Diary of 1938]. In: Afanasiev, Yu.N. (ed.) *Sovetskoye obshchestvo: vznikoveniye, razvitiye, istoricheskiy final* [Soviet society: emergence, development, historical finale]. Vol. 1. Moscow: RSUH.
6. Vernadsky, V.I. (2002) *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow: Ayris Press; Rol'f.
7. Vernadsky, V.I. (2007) *Pis'ma N.Ye. Vernadskoy. 1909–1940* [Letters to N.E. Vernadskaya. 1909–1940]. Moscow: Nauka.
8. Voytovych, V.M. (2002) *Ukrains'ka mifologiya* [Ukrainian Mythology]. Kyiv: Lybid'.
9. Gura, A.V. (2000) *Mify slavyan* [Myths of the Slavs]. Moscow: Slovo.
10. Kulish, O.A. (2014) Kosmogonicheskiy kompleks Khaosa – Poryadka – Garmonii [Cosmogonic complex of Chaos – Order – Harmony]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 1(18). pp. 6–11.
11. Kurjanovich, A.V. (2013) *Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkogo epistolyariya pervoy treti XX veka: uzus i idiosstil' (na materiale pisem M.V. Nesterova, F.I. Shalyapina, V.I. Vernadskogo, M.I. Tsvetayevoy)* [Genre and stylistic features of the Russian epistolary of the first third of the 20th century: usage and idiosstyle (based on the letters of Mikhail Nesterov, Feodor Chaliapin, Vladimir Vernadsky, Marina Tsvetaeva)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
12. Kurjanovich, A.V. (2010) *Yazykovaya lichnost' uchenogo-nositelya elitarnoy rechevoy kul'tury (na materiale epistolyarnogo diskursa V.I. Vernadskogo)* [Linguistic personality of a scientist-bearer of an elite speech culture (based on Vladimir Vernadsky's epistolary discourse)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 188–197.
13. Moiseev, N.N. (1990) *Chelovek vo Vselennoy i na Zemle* [Human in the Universe and on Earth]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 32–45.
14. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*

[Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.

15. Venadsky, V.I. & Lichkov, B.L. (1979) *Perepiska V.I. Vernadskogo s B.L. Lichkovym. 1918–1939* [Correspondence of Vladimir Vernadsky and Boris Lichkov. 1918–1939]. Moscow: Nauka.

16. Venadsky, V.I. (1922–1936) *Pis'ma akademika V.I. Vernadskogo synu (1922–1936)* [Letters of Academician Vladimir Vernadsky to his son]. [Online] Available from: <http://arran.ru> (Accessed: 4th April 2022).

17. Venadsky, V.I. (1985) *Pis'ma V.I. Vernadskogo A.Ye. Fersmanu (1907–1944)* [Letters from Vladimir Vernadsky to Aleksandr Fersman (1907–1944)]. Moscow: Nauka.

18. Venadsky, V.I. (n.d.) *Pis'ma V.I. Vernadskogo N.P. Vasilenko. 1918–1934* [Letters from Vladimir Vernadsky to Nikolay Vasilenko. 1918–1934]. [Online] Available from: <http://www.nbu.gov.ua> (Accessed: 4th April 2022).

19. Sadovskaya, I.G. (2006) *Mifologiya* [Mythology]. Moscow: IKTS “MarT”; Rostov/n/Donu: MarT. pp. 307–332.

20. Thetales.ru. (n.d.) *Skazki i pritchi narodov mira. Slavyanskiye mify* [Tales and parables of the peoples of the world. Slavic myths]. [Online] Available from: <https://www.thetales.ru/slavjanskije-mify> (Accessed: 1st April 2022).

21. Tolstaya, S.M. (ed.) (2002) *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

22. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

23. Tolstaya, S.M. (1997) Mifologiya i aksiologiya vremeni v slavyanskoy narodnoy kul'ture [Mythology and axiology of time in Slavic folk culture]. In: Svirida, I.I. (ed.) *Kul'tura i istoriya. Slavyanskiy mir* [Culture and History. Slavic World]. Moscow: Indrik. pp. 62–79.

24. Tolstoy, N.I. (2002) Slavyanskije verovaniya [Slavic beliefs]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 8–16.

25. Toporkov, A.L. (1997) *Teoriya mifa v russkoy filologicheskoy nauke XIX veka* [The theory of myth in Russian philology of the 19th century]. Moscow: Indrik.

26. Toporov, V.N. (1980) Kosmogonicheskie mify [Cosmogonic myths]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 6–9.

27. Trofimova, Ye.A. (2015) Russkiy kosmizm v kontekste moderna: osobennost', motivy, diskursy [Russian cosmism in the context of modernity: features, motives, discourses]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 2(220). pp. 101–106.

28. Khakuasheva, M.A. (2016) Contemporary literary myth: genesis and ten-

dencies. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie – The Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*. 3(182). pp. 176–182 (in Russian).

29. Jung, K.G. (1996) *Dusha i mif: shest' arkhетipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Translated from English. Kyiv: State Library of Ukraine for Youth.

Курьянович Анна Владимировна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Россия).

Anna V. Kurjanovich – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru